П 319

ПИОНЕР

Цена 20 коп.

№ 20

Издание „Комсомольской правды"

Октябрь 1932 г.

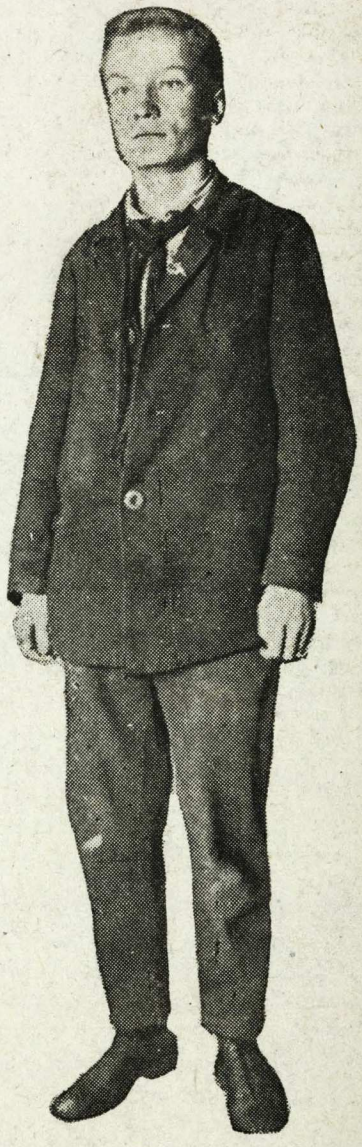
П 29
34

Г.П.Б. в Лнгр.
О.Э. 193[illegible] г.
Акт № 7

РОВЕСНИКИ ОКТЯБРЯ

НИНА ФРОЛОВА — комсомолка, ученица 25-й школы Октябрьского района Москвы. Председатель совета базы пионеров, лучшая ударница. Три раза премирована за учебу и райбюро как лучший председатель Совета базы.

СОКОЛОВ ВАЛЯ — комсомолец, ученик 25-й школы Октябрьского района. Ударник учебы. Лучший председатель 1-го пионеротряда, за хорошую работу в базе премирован.



БАРБИН ВЛАДИМИР — комсомолец, воспитанник 1-го пионердома Краснопресненского района, секретарь ячейки ВЛКСМ, премирован как ударник учебы и за культработу готовальней, пальто и поездкой в санаторий „Артэк", награжден германскими пионерами значком за налаженную переписку с отрядом.

Песней
полотнища улиц прошьем,
Мир весь
в об'ятия колонн беря,
Слышите,
это мы идем,
Ровесники Октября!

ПИОНЕР

боевой и старейший общественно-литературный журнал

№20

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени Ленина при ЦК ВЛКСМ

М. Черкасский п., 3/4, тел 4-61-54.

П 29
34

МЫ — ДЕТИ ПАРТИИ ЛЕНИНА

Москва.

Октябрь 1917 г.

Гремят выстрелы, юнкера бешено сопротивляются наступлению красногвардейских отрядов. Отряды красных укрепились на окраинах. Туда, в рабочие кварталы Благуши, Сокольников, лучше не показываться белым.

По вымершим улицам изредка снуют маленькие фигурки подростков—это ребята-связисты. Они поддерживают связь между отрядами красной гвардии. Ни угрозы ни пули юнкеров не останавливают их.

Тов. Ярославский рассказывает:

— Я поручил одному парнишке, сыну одного из защитников Кремля, отнести письмо в Московский совет. Он великолепно выполнил это задание.

Спросите у старых рабочих, коммунистов вашего завода, они расскажут вам об этих героических днях, об этих героических мальчиках, не отстававших от взрослых в боях за пролетарскую революцию.

Пятнадцатый Октябрь Страна советов встречает не менее героической борьбой на фронте пятилетки. Открыта Днепровская ГЭС—самая мощная в мире. Одна за другой входят в строй новые домны, построенные нами. Десятки тысяч тракторов укрепляют победу социализма в деревне. Сносятся старые лачуги—бывшие жилища рабочих. Сотни тысяч пролетариев переезжают в новые, светлые корпуса социалистических рабочих поселков.

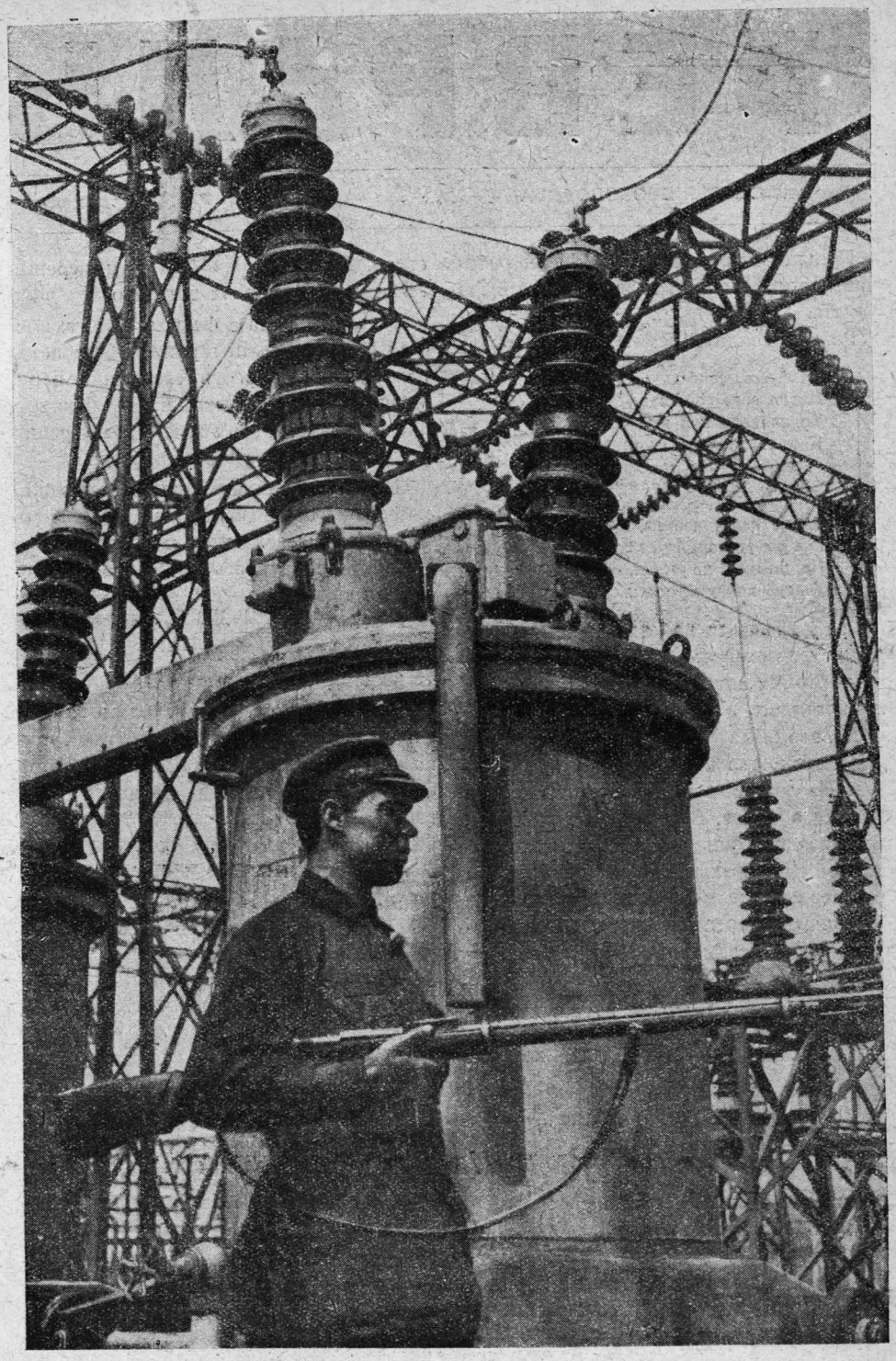
До революции из каждых пяти детей только один ходил в школу. К пятнадцатой годовщине Октября мы завершаем в основном всеобщее семилетнее обучение и начинаем осуществлять десятилетнее.

Тысячи лагерей, площадок, клубов, детские театры, больницы—вот что дал ребятам Октябрь.

И бойцы октябрьских баррикад с гордостью смотрят на результаты своей борьбы, бодро смотрят в будущее.

Пионерорганизации вместе со всей рабочей страной радостно и бодро встречают славный юбилей.

Тем ребятам, которые об'единены сейчас в пионерских отрядах и звеньях, предстоит великая и ответственная задача—завершить дело Октября, достроить здание коммунистического общества.



Пуск Днепростроя—новая победа социализма

Чтобы оправдать те надежды, которые возлагает на нас рабочий класс, надо много знать, много уметь. Надо овладеть наукой, овладеть техникой. И великий юбилей пионерская организация встречает развертыванием всесоюзного социалистического соревнования на лучшую школу, упорной борьбой за знания.

Как для пролетарских ребятишек в Октябре 1917 г. было делом чести и славы пронести донесение сквозь цепи юнкеров, так и сейчас делом чести для каждого из нас является знать на-зубок теорему Пифагора, синтаксис, закон Бойля-Мариотта. Если в те дни каждый парнишка считал своим долгом помочь раненым красногвардейцам, то сейчас долгом каждого является помочь товарищу, отстающему в учебе.

И как тогда, так и в нашей сегодняшней борьбе нужна твердая революционная дисциплина.

Прочитаем в эти дни воспоминания старых большевиков, участников Октябрьского восстания. Изучим историю Октября. На примере партии Ленина и ее сынов будем учиться, как надо жить, учиться, бороться за коммунизм.

С. Гарбузов

ФЕВРАЛЬ

Рассказ СЕРГЕЯ БЕЗБОРОДОВА

Рис. Б. Пророкова

Прошло два года войны. И ни рабочих, ни крестьян, ни солдат нельзя было узнать.

Раньше солдаты пели:

Взвейтесь, соколы, орлами,
Полно горе горевать,
То ли дело под шатрами
В поле лагерем стоять!

А теперь другие песни пошли:

Ты не пой соловьем,
Все равно домой уйдем,
Не дождем до осени,
Теперь войну бросили.

Граф Игнатьев на заседании совета министров сказал:

— Армия перестала быть армией, а превратилась в вооруженный народ.

Да, это была уже не та армия, которая с песнями шла на войну, как на праздник. За два года войны солдаты узнали правду о войне. В армии уже работали большевики, они рассказывали солдатам об истинных целях войны. Солдаты больше не хотели воевать. Подневольная послушная царская армия превращалась в революционно-настроенный вооруженный народ.

Министры уже чуяли надвигающуюся революцию. Однажды на заседании совета министров министра внутренних дел стали обвинять, что он плохо борется с надвигающейся революцией.

— Как вы хотите,—ответил министр,— чтобы я боролся с растущим революционным движением, когда мне отказывают в содействии войск? Мне говорят, что войска ненадежны, что они не будут стрелять в толпу. С одними городовыми не умиротворить всю Россию.

Даже министры уже чувствовали, что солдаты стрелять в толпу, т. е. в рабочих, не будут.

В октябре забастовало в Петрограде 187 тыс. рабочих.

— Долой войну!

— Долой самодержавие!

— Хлеба! — было написано на многих рабочих знаменах. Когда полиция бросилась на демонстрацию рабочих, полицейских встретили солдаты. Оказалось, что 181-й полк примкнул к забастовщикам и решил их защищать.

Все были недовольны царем. Рабочие, крестьяне и солдаты ненавидели царя за то, что он затеял войну и теперь не хотел ее кончать. Капиталисты и помещики были недовольны тем, что царь плохо воюет, назначает глупых министров. Да и сам царь был глуп, нерешителен, только портил все дело.

Поэтому, когда в феврале 1917 г. восстал петроградский гарнизон и забастовали рабочие, требуя свержения царя, капиталисты, помещики и банкиры очень обрадовались этому и сразу решили захватить власть в свои руки.

Царь в эти дни был в ставке главнокомандующего войсками, в маленьком городке Могилеве. Когда он узнал, что в Петрограде началось восстание, он позвал генерала Иванова:

— Возьмите эшелон преданных мне солдат, поезжайте в Петербург и усмирите восстание.

Генерал поехал. Он доехал со своими солдатами до Царского села (так тогда называлось теперешнее Детское село). Отсюда до Петрограда двадцать пять верст. Прежде чем ехать дальше, генерал вызвал к телефону командующего Петроградским военным округом генерала Хабалова.

Их телефонный разговор был записан. Вот он.

Ген. Иванов. Скажите, какие воинские части в порядке и какие безобразят?

Ген. Хабалов. В моем распоряжении четыре гвардейских роты, пять эскадронов и сотен, две батареи. Прочие войска перешли на сторону революционеров. Отдельные солдаты и шайки бродят по городу, обезоруживая офицеров.

Ген. Иванов. Какие вокзалы охраняются?

Ген. Хабалов. Все вокзалы во власти революционеров и строго ими охраняются.

Ген. Иванов. В каких частях города поддерживается порядок?

Ген. Хабалов. Весь город во власти революционеров, телефон не действует, связи с частями города нет.

Ген. Иванов. Какие власти правят этими частями города?

Ген. Хабалов. Ответить не могу.

Ген. Иванов. Все ли министерства работают?

Ген. Хабалов. Министры арестованы революционерами.

Ген. Иванов. Какие полицейские части находятся в данное время в вашем распоряжении?

Ген. Хабалов. Не находятся вовсе.

Война до победного конца!

Ген. Иванов. Много ли оружия, артиллерии и боевых припасов попало в руки бунтующих?

Ген. Хабалов. Все артиллерийские части во власти революционеров.

Генерал Иванов повернул со своими солдатами обратно. В Петрограде было уже нечего делать. Революция победила.

Солдаты быстро узнали про революцию, про то, что царя свергли, что власть как будто перешла в руки народа.

Солдаты вылезали из окопов, обнимались, плакали от радости:

— Теперь конец войне! Больше воевать не будем! Довольно! Попили нашей кровушки! Да здравствует революция! Долой войну!

Крестьяне собирались на сходы и обсуждали, как они будут делить землю:

— Раз царя сбросили, раз власть народная, значит и земля должна быть народной. Нашей, крестьянской должна быть земля.

Радовались и рабочие:

— Царя прогнали, войну кончим, работать на себя будем, а не на хозяина.

Но все осталось по-старому. Без царя, а музыка та же. Помещики и капиталисты, захватившие власть, заправляли всеми делами.

Раньше говорили: «За веру, царя и отечество!»

Теперь стали говорить: «За свободу!»

А какая там свобода, когда на шее у рабочего сидит тот же фабрикант, на хребте у крестьянина—тот же помещик, солдата гонят на убой тот же офицер и генерал.

Большевики все время говорили трудящимся и солдатам: обманут вас капиталисты. Не доверяйте им. Так оно и оказалось: земля опять у помещиков осталась, фабрики и заводы—у капиталистов, война продолжалась.

Капиталисты поступили хитро: посадили главным министром «социалиста» Керенского.

Пускай рабочие, солдаты и крестьяне думают, что это все Керенский делает. А на самом деле Керенский—только подставная фигура. Капиталисты всеми делами заправляют.

Большевики и об этом рассказали трудящимся. Видит рабочий и солдат: Керенский, как и царь, выкрикивает:

— Война до победного конца!

А большевики говорят:

— Кончать войну. Война войне!

Керенский призывает:

— Слушайтесь хозяина, не трогайте помещика!

А большевики требуют:

— Отдать фабрики и заводы рабочим, а землю—крестьянам.

Керенский просит:

— Верьте министрам, они — люди хорошие.

Большевики настаивают:

— По шеям министров. Вся власть советам!

Солдаты в окопах слушают большевистских агитаторов, читают газеты и листовки большевиков, песенки распевают:

Ты, Керенский-депутат,
Солдат не обманешь,
Не пойдем мы воевать,
Даром словом манишь.

— За большевиками пойдем,—говорят солдаты.

На заводах и на фабриках большевики уж Красную гвардию создают. Учат рабочих из винтовок стрелять, управляться у пулеметов.

— Только бы сигнал дали,—говорят рабочие. — Эх, жалко, нет Ленина...

А Ленин в это время за границей был

15-й ГОД

Я вижу:
Идет, выбивая шаги
На сером граните историй,—
Пятнадцатый год,
Как пятнадцатый гимн,
Борьбой, работой взмоторен.
И я не идут от страны в стороне,
Где старого сгнил след,—
Потому, что мне и моей стране
Только пятнадцать лет...
Я вижу
Выси взвинченных труб,
Плотину, сверлящую Днепр,
И все это сделал ударный труд
В моей молодой стране.
Серым холодом бьет вода
В синюю сталь турбины,
И Днепр бросается в провода
На желтую ширь Украины.
Шагами ударных минут и лет
Рвется страна вперед,
Светом славы и громом побед
Приходит пятнадцатый год...
Приходит пятнадцатый год, грохоча
От прежних годов сильней.
Я вижу, как он сжимает рычаг
Шершавой ладонью дней.

СТО ХУДЯКОВЫХ

Очерк И. РАХТАНОВА
Фото Ю. Сорокина

Ровесник Октября Худяков — интересная личность. Он родился в 1917 г. в городе Валдае

Ровесник Октября Худяков—интересная личность. Он родился в 1917 г. в городе Валдае, бывшей Новогородской губернии.

Отца он не помнит. Отец—председатель валдайского совета—ушел еще в первые годы гражданской войны и не вернулся.

Мать переехала к сестре в Петроград. Она поступила на завод товарищества русско-американской резиновой мануфактуры «Треугольник» и отдала Худякова, тогда еще младенца, в ясли.

Жизнь матери пошла по одной линии, жизнь Худякова—по другой. Он ходил с ребятами по улицам большого голодного и опустевшего города.

Трава пробивалась сквозь торцы петроградских панелей. Ребята держали друг друга за руки и шли парами.

Мать навещала Худякова не чаще раза в месяц, так что от одного до другого посещения он забывал цвет ее глаз, волос, форму ее носа.

Лет ему было немного, и он еще подбородком не достигал дверных ручек. Маленький человечек, он ходил среди больших, взрослых людей и прислушивался к их голосам. Они были разные: высокие, мягкие, низкие, пронзительные, хриплые, звонкие. Всеми голосами взрослые говорили одно слово:

— Юденич,—было это слово.

У Худякова постоянно болел живот, потому что в детском доме, куда он перешел из яслей, кормили скверно.

Наступление генерала Юденича, его пребывание на пулковских высотах, защита питерскими рабочими города—все это выражалось для Худякова скверным качеством и малым количеством детдомовской кормежки.

И он решил бежать.

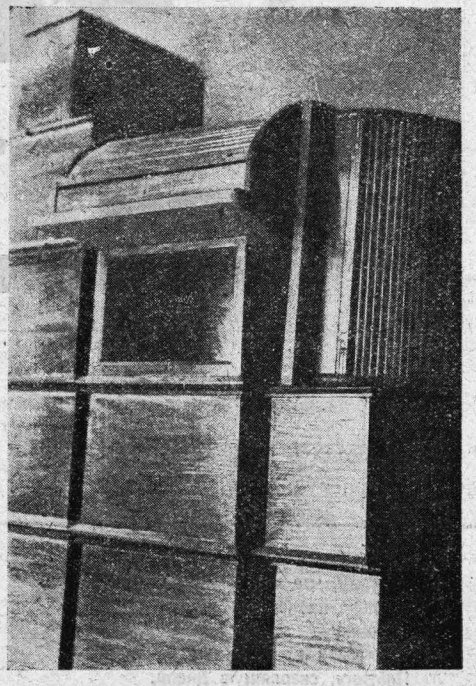
Улица, блещущая лужами, улица, залитая солнцем, улица, покрытая сахаристым снегом,—улица привлекала его.

Худяков оделся потеплее, стащил у товарища варежки и, незамеченный, вышел.

Была зима. Было голубое небо. Белые облака медленно двигались на юг. Лакированные санки какого-то комиссара проезжали мимо. Худяков побежал за санками. Комиссар обернулся и бросил окурок. Он был толстый, кремовый и еще курился. Худяков поднял. Так он начал курить.

В этот же день он познакомился с ребятами, жившими веселой жизнью в дырявом котле для варки асфальта. Они сначала показались Худякову немного грязными, но потом он решил, что это неважно. Важнее было то, что они курили, что иногда у них бывали конфеты, что никогда они не ходили, как в детском доме, парами. Скоро Худяков выучился у ребят грустной песне:

Позабыт, позаброшен
С молодых детских лет,
Я остался сиротою,
Отца — матери мне нет.



Это то, что делают ребята в Лопухинском переулке

Он пел ее в трамваях, пел жалостным голосом. Трамвайные пассажиры бросали ему в шапку только что вышедшую бронзовую медь.

Потом Худякова выучили представляться слепым. Он закатывал белки, тряс головой и разводил руками.

К этому времени он начал пить. Ему не было еще десяти лет. Самогон сначала обжигал горло, язык и небо, а потом именно это и стало интересным.

На самогон нужны были деньги. Много денег. Стопка самогона стоила 50 коп. И Худяков понял, что нужно воровать. Он незаметно шарил по карманам трамвайных стиснутых людей. Иногда попадались толстые кошельки. Тогда всем котлом устраивали шамовку. Покупали чайную колбасу, карамель и водку.

Однажды Худяков залез в карман какому-то очкастому дяде. Очкастый его поймал и передал милиционеру.

Через две недели Худяков поехал в детский исправдом в городе Новочеркасск.

Невеселое это было путешествие, и вспоминать о нем не хочется. «Буза и вакса».

За окном неслись поля, деревни, леса, горы. Поезд шел на юг. Деревья менялись, не стало сосен. Цвет земли был не тот.

Худяков ехал с партией в тридцать человек.

С вокзала они парами шли по неприроким новочеркасским улицам—на юг, в тюрьму. Только Худяков свернул на запад.

Ночь была темная, небо черное, и Худяков «сплентовал». Ночь он просидел на арбузном баштане, а утром с товар-

ным поездом отправился снова на юг, на Кавказ.

Два года он бродил по Кавказу. Узнал хорошо Тифлис. И через два года, выросший, он в первый раз приехал в Москву.

На нем были новые хромовые сапоги, а в боковом кармане пиджака лежало двести рублей. Улица больше не привлекала его, он ее знал, и поэтому в Москве он поселился в комнате. Комната помещалась на Первой Мещанской. Здесь жило несколько карманников. Они приняли Худякова, как своего в доску. Таким он и был. Он курил, пил, крал. Однажды он пьяный заснул где-то около вокзала.

— Где работаешь, друг?—спросил его агент.

Он нашел Худякова и разбудил.

— Буза и вакса,—отвечал Худяков,— где работаю, там работаю, позабыт я, позаброшенный.

— Покажи руки, друг,—сказал агент, он долго рассматривал худяковские руки, потом проговорил: — ты людей даришь, друг. Я по рукам это вижу, друг.

Отправили Худякова в распределитель для малолетних. Здесь выяснили, что агент не ошибся. Из распределителя Худяков попал в первую индустриальную трудкоммуну.

Я встретился с ним там.

Коммуна эта помещается в Москве, в Лопухинском переулке.

И Худяков и коммуна—несомненные достижения Октября.

Посмотрите сами.

Тысяча девятьсот двадцатый год. Москва. Второй год военного коммунизма. Гражданская война еще не совсем кончена. В Колонном зале заседает I всесоюзный с'езд по борьбе с детской беспризорностью. С'езд решает основать в Москве трудовую коммуну для мальчиков. Самое подходящее здание—Зачатьевский монастырь.

Со всей Москвы собираются сюда беспризорные, и в Зачатиевке основывается сначала распределительный пункт. Он отправляет ребят в сытые места, в детдома, в ясли. А часть ребят отправили в Чехо-Словакию на прокормление.

Там они пробыли до 1927 г. и, вернувшись, не умели говорить по-русски.

В 1925 г. из распределительного пункта в Зачатьевском монастыре образовалась коммуна. Коммунаров называли «зачмонцы». Это было время, когда даже памятник Пушкина на Тверском бульваре назывался «пампуш» на «Твербуле».

Монастырь был маленький, и ребятам —их было сто человек—нехватало места. Они занимались в церковной прихожей, жили за царскими вратами, но не бежали. Не было побегов из коммуны.

Потом произошли два события, которые каждый коммунар запомнил.

Четыре года назад партия и правительство сделали коммуне два больших подарка: они подарили ей дом бывшей поливановской гимназии (Лопухинский, 4)—дом не дом, дворец—и дали в руководители дядю Лешу Червонцева.

Дядя Леша об'явил:

— «Лягавых» в коммуне нет.

Это он сказал ребятам.

И еще Червонцев об'явил:

— Вас нет, но вы везде.

Это он сказал педагогам.

И на этих двух правилах построилась коммуна, благодаря этим двум правилам она вышла на первое место.

Худяков стал коммунаром год назад. За год он прошел три группы. Сейчас хочется поступить в семилетку, хочется научиться чертить.

В коммуне сто таких ребят, как Худяков. Непохожие их биографии сходятся в одной точке—Лопухинский, 4. Но дальше от этой точки начинаются снова разветвления в советскую действительность, потому что способности и интересы у ста ребят разные.

Некоторые из них становятся рабочими: таков Худяков—уже квалифицированный слесарь.

Другие—красноармейскими командирами, другие—аспирантами научных институтов.

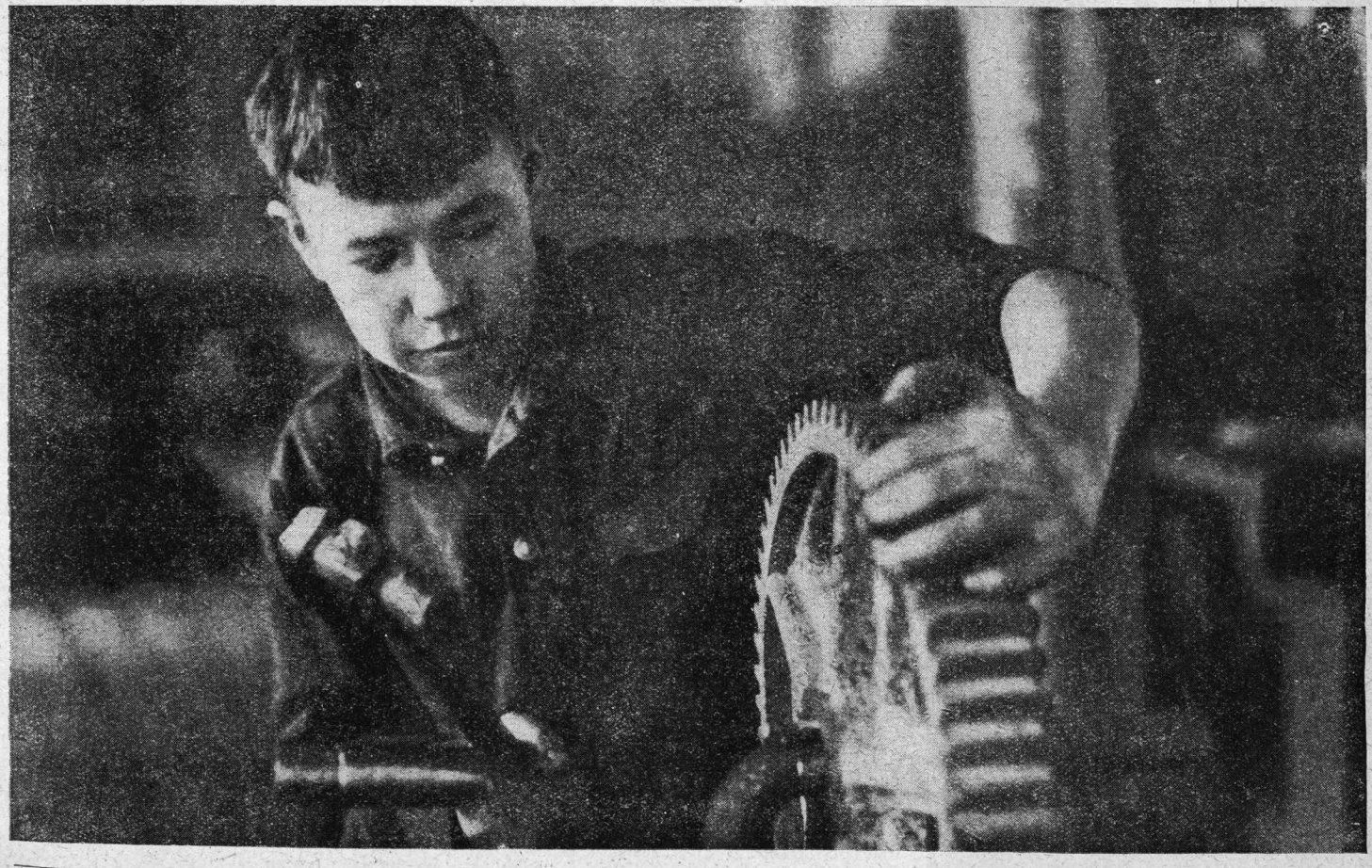
Труд, терпение и умная система Червонцева сделали это.

Система Червонцева рождена Октябрем.

Слесарь Червонцев—прекрасный педагог, организатор и вождь всей детской среды.

Но сам Червонцев учиться не может—нет времени подумать о бассейне, в который вода вливается с такой-то скоростью, а выливается с другой. И часто говорит Червонцев про какого-нибудь из ста Худяковых:

— Ну вот, он уже знает больше меня!



Труд, терпение и умная система Червонцева сделали этих людей

КЛУБОК СЧАСТЬЯ
цыганки Азы

Очерк Е. НИНИНОЙ Фото Ю. Сорокина

НИНА ДУДАРОВА — автор ряда замечательных стихов и цыганских учебников. Организатор первой цыганской школы в Москве

Цыгане шумною толпой
По Бессарабии кочуют,
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют.
А. С. ПУШКИН

Из шатров, из бараков привыкнувшие к беззаботной кочевой жизни ребята-цыгане попали в школу.

У Пушкина, который так мастерски рисовал жизнь и быт цыган, нет описания школы—веселье, разгульная беспечная жизнь с песнями, пляской отмечалась поэтом. Цыгане тогда не учились в школах.

Школа—еще не так давно это было непонятное, а потом страшное слово для цыган.

— Зачем школа, нам школа не нужна, наши дети, отцы и мы жили без школы, —говорили цыгане Нине Дударовой, которая ходила по шатрам и палаткам, призывая цыганских ребят к учебе.

Нина—цыганка. Она семь лет работает среди цыганских детей.

Ученики Нины теперь работают на производстве, учатся в ФЗУ, на рабфаках.

И каждый год осенью Нина ходит по окраинам города и приводит в школу новых маленьких чумазых ребятишек в ярко-пестрых цветных юбках, в грязных поношенных костюмах.

Теперь немного легче уговорить родителей-цыган отпустить детей в школу. Школа дает им завтрак, в школе с них снимут их грязные пестрые лохмотья, заменив чистыми синими костюмчиками, их босые ноги познакомятся с удобной обувью.

Нина Дударова сумела уговорить родителей и привлечь ребят.

Ребята школу полюбили.

В учебниках русскими буквами написаны цыганские слова.

Ребята с Ниной говорят по-цыгански, хотя знают русский, но учиться на родном языке легче.

Мы неожиданно для ребят вошли в класс.

Увидя фотографа, они радостно вскрикнули, захлопав в ладоши:

— Нися, а меня снимут?

— А меня?

— А меня? — по-русски, перебивая друг друга, кричали ребята.

Не сразу уселись, всем хотелось быть ближе к фотографу.

Нина вызвала одного из ребят к доске.

Выбегает самый маленький шустрый мальчуган. Он бос. Дойдя до доски, он быстро возвращается к парте и начинает обуваться.

— Почему ты снял ботинки? — спрашиваю я.

— Ноги у меня грязные, запачкаю,— конфузясь, отвечает мальчуган.

Фотограф ловит момент, когда мальчик пишет на доске.

Всем ребятам хочется сняться.

Фотограф занимается с ребятами, я беседую с т. Дударовой.

Много интересного рассказывает мне она.

С грустью сообщает, что ее способная прилежная ученица, которую она довела до рабфака, проучившись два года, ушла в цыганский хор. Другую недавно она встретила на улице в цыганском национальном костюме, гадающей по руке.

Этих двух потянула прежняя некультурная жизнь, легкий труд.

Но не все бегут. Многие учатся и работают.

— Много пионеров? — спрашиваю я.

— Большинство пионеры. Вот с лагерями у нас вышло нынче плохо.

И Нина рассказывает, как ребята с удовольствием поехали, но вожатого-цыгана не было, и ребята плохо чувствовали себя среди чуждой обстановки.

Когда у ярко горящего костра пионеры пели веселые песни, цыгане-пионеры тоже присоединялись к ним, но потом переходили на свои родные напевы, сначала веселые, потом эти напевы сменялись печальными, вызывающими слезы.

Ребята грустили. Они вспоминали другую жизнь, от которой они еще не отвыкли, и скоро один за другим покинули лагерь.

Теперь я начинаю беседу с ребятами.

Один мальчик мне сообщает, что он летом обязательно поедет в лагерь, к нему присоединяется еще несколько ребят.

— Кем ты будешь, когда кончишь школу?—спрашиваю я неожиданно.

— Шофером, — застенчиво отвечает он.

— А я машинистом!

— А кто будет пожарным?—смеюсь я.

— Я буду пожарным,—снова оживляется первый.

— Ты хотел быть шофером?

— Пожарные на автомобиле теперь.

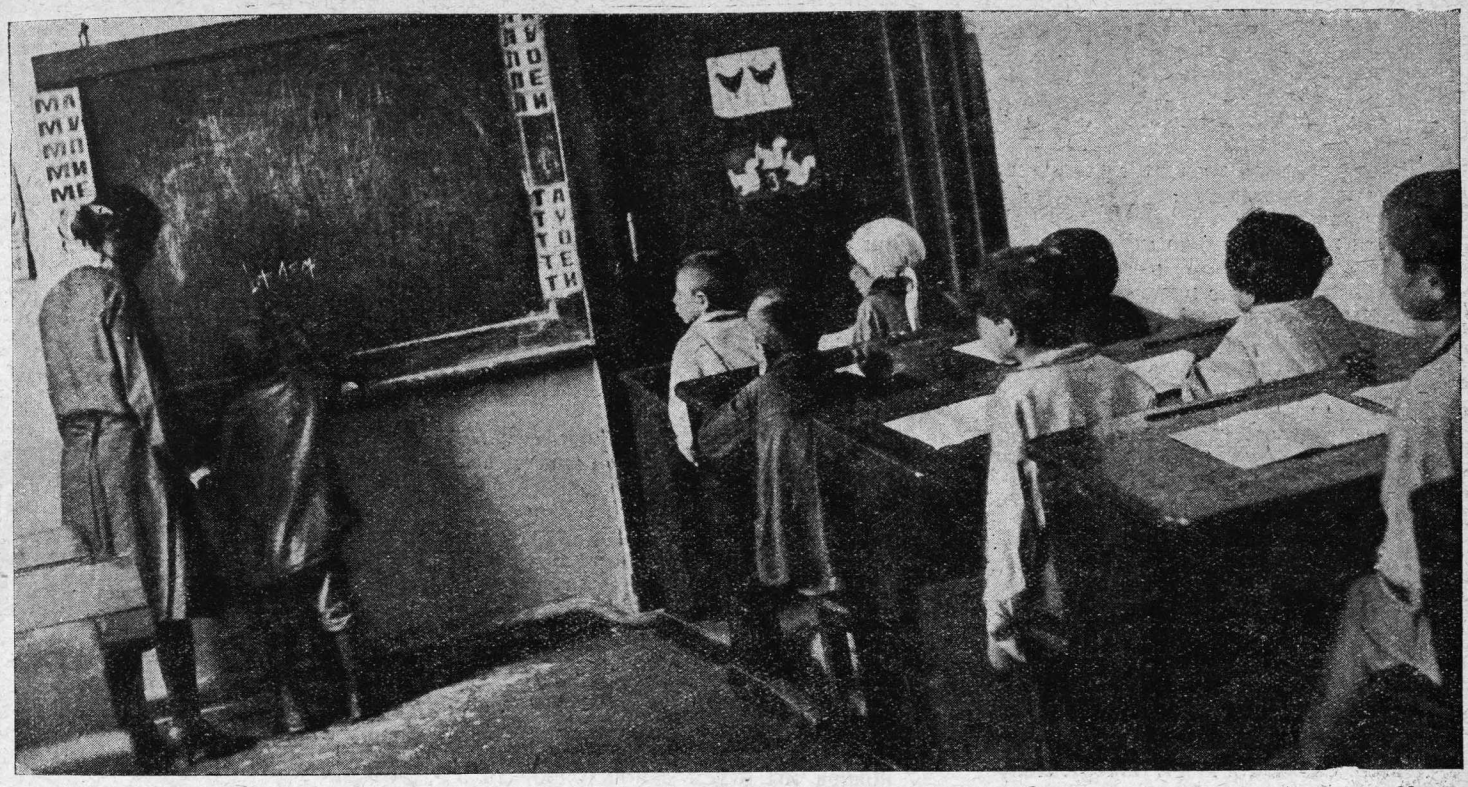
— Я тоже буду шофером,—вставляет Аглолия.

Эти не думают вернуться к гаданию, к легкому труду, которым занимались их деды и бабки.

Еще один интересный случай рассказала мне Нина.

„Я—октябренок, но скоро буду пионеркой. Мы теперь уже не живем в шатре. Мы недавно поселились в удобной квартире“

„Когда я вырасту, я буду шофером“



Когда мыли и чистили ребят нового набора, одна девочка ни за что не хотела стричься.

У нее на голове был клубок скатанных волос, который она называла клубком счастья.

С большим усилием удалось остричь ее.

Она, уходя из школы, бережно унесла домой клубок счастья, завернув его в тряпочку.

А на другой день пришла в школу, привязав свой счастливый клубок к голой голове.

— Зачем ты это сделала?—спросила Нина.

Ее бранила мать, так как она в этот день, когда девочку остригли, мало заработала гаданьем.

Вот с какими смешными и печальными фактами сталкивается Нина Дударова, упорно борясь с некультурным бытом своих сородичей.

С трудностями, тихо, бесшумно Нина провела уже семь наборов, в культурную жизнь ввела уже десятки некультурных детей.

— Плохо без интерната. Цыганских детей нужно держать все время под школьным надзором, чтобы они не подчинились старому быту своих родных.

Интернат нужен. И Нина его добьется.

Ей поможет общественность.

Цыганская школа—достижение Октября.

В цыганской школе на уроке арифметики

ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ?

Этот вопрос возникает ежедневно, ежечасно, ежеминутно.

Что делать?

Отец получает такую скудную зарплату, что мы едва можем себе позволить раз в неделю сытно поесть.

Я посещаю школу. Учебников и тетрадей нам не выдают. О завтраках и мечтать нельзя. Постоянно бегаю к товарищам заниматься. Пишу на обрывках. За это меня не раз даже выставляли из класса. Что делать?

Я нередко задумываюсь над своим будущим. Скажем, я кончу школу. Получу аттестат зрелости. Предположим, хотя это мало вероятно, я пойду в высшее учебное заведение. Но кому нужны будут тогда врачи, инженеры, экономисты, юристы? Кому нужны будут эти специалисты, люди с высшим образованием, когда сейчас их так много без дела?

Наш сосед—старый инженер, геолог.

Вот уже три года, как он не может найти работу. Он готов даже стать шофером, но работы нет.

В нашем классе есть один бойкий и неунывающий парень. Он уверяет, что чем раньше трудящиеся Германии объединятся в единый фронт и последуют примеру русских рабочих, тем скорее мы получим ответ на мучительный вопрос «что делать». Он призывает школьников вступить в отряд юных пионеров и вместе со всеми революционными рабочими готовиться к бою с капиталом.

— Не громкие ли это слова?—спросил я его однажды.

Он показал мне толстенную тетрадь:

— Прочти. Может быть поймешь.

Я весь вечер читал дневник его отца, недавно побывавшего в СССР. Не вам мне передавать содержание этих изумительных, незабываемых страниц.

Должен со всей откровенностью сказать, что я—не крикун, но на следующий день, когда я пришел в школу, я кричал как человек, впервые познавший радость. Я отворял двери всех классов и выкрикивал один и тот же лозунг: **«Будь готов бороться за советскую Германию!»**

Конечно мне не следовало это делать. В этом отношении я даже согласен с теперешними моими врагами—преподавателями и директором школы, которые выставили меня в тот же день с клеймом позора. Но я не мог удержаться от этого порыва.

Я нашел секрет жизни.

Надо бороться, и я буду, когда подрасту, в рядах бойцов за советскую Германию.

Я вступил в отряд юных пионеров, здесь я изучу только азбуку борьбы, а впереди...

Я—не одинок. Нас много, много. Мы—сила!

Еще необходимо сказать в этом письме, что двое бойскаутов и один гитлеровец (фашист) из нашей школы, тоже рабочие ребята, порвали со своими организациями и одновременно со мною вступили в отряд.

В заключение своего письма хочу передать трудящимся и детям Советского союза бурный привет.

7 ноября мы будем демонстрировать в защиту СССР, за советскую Германию. К этому мы уже готовимся. Я лично выдвинут на школьный митинг, где выступлю с речью.

Макс Вебер

Берлин.

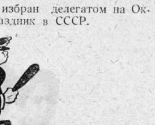
К сожалению приходится начинать с неприятностей, а их в нашей стране—избыток. Анри, мой брат, по этому поводу неплохо сострил: «если бы Франция экспортировала хотя бы часть своих неприятностей, она была бы более счастливой». В данном случае конечно не до острот.

Мой отец избран делегатом на Октябрьский праздник в СССР.

Мои товарищи сколотили несколько десятков франков с той целью, чтобы я тоже мог совершить поездку в Москву. Ведь это—моя давнишняя мечта. Наконец-то она сбудется, думал я. Но не так легко это сделать. Человек собирается предпринять одно, а полиция—другое. Все мы ходим под тяжелой пятой полиции.

Из управления ко мне пришел полицейский агент.

— Вы—Пьер Д.?—спросил он.



— Я, но мне кажется, вы спутали меня с однофамильцем, который старше меня ровно на 25 лет и живет в другом флигеле.

— Нет,—повышенным тоном заявил агент.—Полиция никогда не ошибается адресом.

— Я чересчур еще молод, чтобы быть на подозрении у полиции,—заметил я.

— Ваш возраст не играет роли.

После длительного молчания агент вытащил из портфеля бумагу и приступил к подробному допросу.

Когда я удовлетворил его «законное» любопытство и дал ему автобиографические сведения, он потребовал назвать фамилии всех моих товарищей, собравших для меня деньги.

— Скажите, Люсель Ролан сколько дал вам на поездку?

— Не проще ли будет спросить его самого, тем более, что вы так уверены в его щедрости?

— Простите. Я назвал не того. Ну-ну, подскажите хотя бы одну фамилию, и я избавлю вас от дальнейшего разговора.

Я указал ему на дверь.

— Уходите, мосье агент, ничего больше вы от меня не услышите. Вы только рискуете зря потерять время.

Я больше не настроен описывать нашу стычку.

Однако конец допросу, кстати говоря безрезультатному, пришел случайно. Со двора окликнул меня мой товарищ по школе, который к счастью не был в курсе дела. Агент поплелся за ним и ведет с ним, покуда я пишу эти строчки, беседу, только агент, надеюсь, у него не добьется.

Это преследование меня, как и моих товарищей, которое вряд ли будет оставлено, блекнет перед другим фактом.

Моего отца арестовали после митинга, где он выступал. Теперь о поездке даже мечтать не приходится, категорически запрещен выезд.

Глаза трудящихся и детей их устремлены на СССР.

Рисунки Коновалова

Товарищи, какие вы счастливые, что живете в свободной социалистической республике!

Париж. **Пьер Д.**

P. S. — Обращаюсь через редакцию «Пионера» к советским детям с просьбой

почаще писать. В особенности прошу написать о школе и отряде. Не забудьте рассказать, как вы провели праздник Октября. Пишите так: Париж, редакция «Авангард», Пьеру Д. Товарищи мне передадут.

П. Д.

Привет из тюрьмы.

Да здравствует всемирный Октябрь!

Польша. **Владек К.**

7 ноября, в день Октябрьской революции, мы передаем пять пионеров в комсомол.

Гамбург. **К. Т—р.**

Я первый раз пишу в редакцию журнала «Пионер».

Я завидую своему письму; подумать даже страшно: бумаге завидовать! А завидую потому, что письмо может быть в СССР, а я нет.

Если бы у меня была малейшая возможность хотя бы на один день поехать к вам, я был бы вполне счастлив.

Насколько тяжело живут английские дети, можете судить по этому факту.

Для того, чтобы наклеить марку, надо ее купить. Для того, чтобы ее купить, нужны деньги, а их у нас так мало, что мама вчера продала последнюю кровать. Мы теперь спим на полу. Я со слезами выпросил у нее монету на марку для этого письма; чтобы кое-как оправдать этот расход, я отказался сегодня от завтрака.

Товарищи! Мне теперь уже 14 лет. Я еще не состою в отряде юных пионеров; вы, русские, можете лучше посоветовать, надо ли мне стать пионером. Я очень хочу, чтобы у нас в Англии, не было короля, чтобы наша страна была бы так же свободна, как СССР.

Лондон. **Сидней Ирль**

А. АСКЕРОВ Рис. Л. Смехова

БЕСЕДЫ ПО ИСТОРИИ ВЛКСМ

Третий с'езд комсомола

Беседа восьмая

Уже в 1919 г. в комсомоле зарождается новый уклон—«дунаевщина» (названный так по имени Дунаевского, вождя оппозиции). Мы уже в первых беседах говорили о вредности всяческих теорий «равноправия» партии и союза молодежи.

Дунаевский последовательно защищал точку зрения юношеского синдикализма.

Узкие, цеховые интересы рабочей молодежи противопоставлял Дунаевский общим задачам борьбы пролетариата.

Дунаевцы выдвигали предложение о создании особых советов рабочей молодежи, особых секций молодежи при профсоюзах.

В каких целях? В силу необходимости якобы особо защищать рабочую молодежь от рабочего класса и его государства.

Вредная и мелкобуржуазная теория Дунаевского была отвергнута и осуждена партией и союзом. Есть данные об особом внимании к внутренней борьбе в комсомоле со стороны В. И. Ленина.

Дунаевцы были разбиты на III с'езде (1920 г.) при помощи и руководстве партии.

Дунаевщина и близкая к нему украинская оппозиция стояли на позициях анархо-синдикалистских и смыкались с партийной оппозицией. Они стремились к ограничению приема в союз, забывая и отбрасывая задачи перевоспитания трудящейся молодежи деревни.

Они противопоставляли союз партии, рабочую молодежь—всему рабочему классу. Они играли наруку меньшевикам и кулакам, предлагая создать особые крестьянские союзы молодежи.

III с'езд является важнейшим с'ездом в истории комсомола.

Приведем воспоминание одного из делегатов с'езда о выступлении Ленина:

«Мы сильно волновались. Не знали, приедет ли Ильич. Известно было, что Ленин обещал выступить.

Слышу в зале шум. Приехал! Действительно, Владимир Ильич направляется к трибуне. Громкий всплеск аплодисментов переходит в гром. Все встают. Слышны крики: «Да здравствует вождь мирового пролетариата т. Ленин!» Зал ревет в ответ.

А на трибуне—невысокого роста, коренастый человек, из его небольших глаз брызжут ум, веселье, доброта.

Ленин приехал не ради нескольких слов о сегодняшнем дне —войне, разрухе, холоде. Нет, Ильич решительно заявил председателю с'езда: «Делать доклад о текущем моменте не буду. Скажу о задачах союза молодежи».

Ленин ждет окончания аплодисментов, то и дело вытаскивает часы, хмурится. Выражение его лица говорит—надо беречь время. Шум затихает.

— Товарищи,—зазвучал голос Ильича. Слушают делегаты.

— На наши плечи ляжет задача построения социализма,—говорит Ленин, и далее упорно доказывает Ильич: — Для того, чтобы строить коммунизм, надо учиться. Учиться не по-книжному, а связывая каждый шаг своего образования, воспитания и борьбы с общей борьбой всех трудящихся против старого эксплоататорского общества.

Напряженно слушает с'езд.

— Союз должен быть ударной группой, которая проявляет в каждом деле свой почин, свою инициативу. Не стремитесь охватить сразу все, нет,—доказывает Ленин.—На маленьком, понятном для всех, деле докажите рабочим и крестьянам правильность вашего учения. Руками одних коммунистов коммунизм не построить. Всю молодежь—каждого юношу и каждую девушку—вы должны привлечь к этому делу.

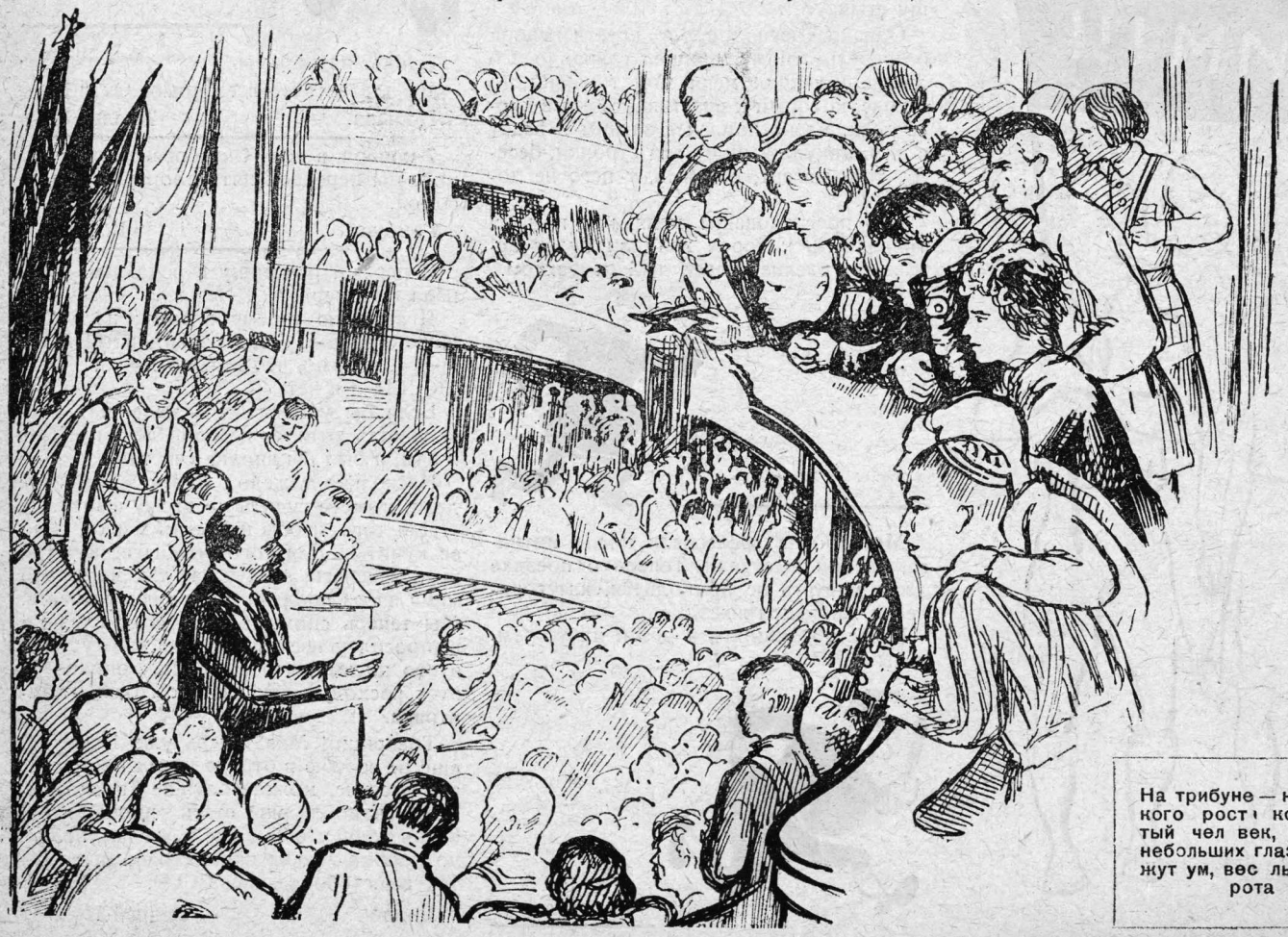
Что-то новое, еще непонятное некоторым делегатам было в словах Ильича. Ленин уже видел конец войны и начало великой стройки социализма.

Все ярче вырисовывались задачи РКСМ перед делегатами не на сегодня только, а на много лет вперед.

Только такой гениальный вождь и учитель, лучший друг молодежи, каким был Ленин, мог набросать такую программу ее дальнейшей борьбы.

Боевым приказом была речь вождя, это поняли все. Ленин кончил. Опять гремит зал. Десятки вопросов, недоуменных, тревожных, получает Ленин.

Умело, просто и ясно раз'ясняет их Ильич. Кончает. Кто-то затягивает песню победы—«Интернационал». Зал гремит аплодисментами вслед уходящему другу, учителю, вождю. И без слов ясно: комсомол выполнит боевой приказ Ленина».

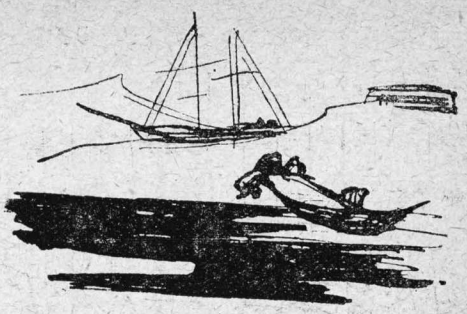


На трибуне — невысокого роста коренастый человек, из его небольших глаз брызжут ум, веселье, доброта

ПОЧЕМУ МОРЕ БАРЕНЦОВО

Очерк
А. ОКРОВСКОЙ
Рис. Л. Бродаты

(Продолжение)



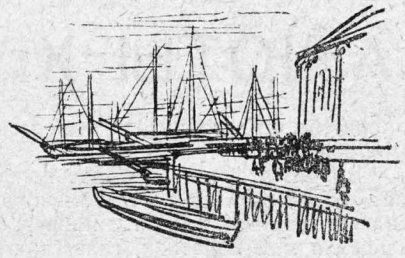
Упрямый Баренц

Суеверные люди сочли этот несчастный случай плохим предзнаменованием.

Тоска и страх охватили экипаж. Заболевания цынгой увеличились. На корабельном совете все капитаны подписали акт, составленный Наем:

«По причине непредвиденных и неодолимых препятствий мы возвращаемся назад». Не подписал один Баренц. Он подал особое мнение:

«Ведь мы еще ничего не достигли. Следует или зимовать или пытаться, пройдя обратно пролив, обогнуть. Новую Землю с севера».



Баренц был прав.

В сентябре в этом году можно было как раз с севера проплыть на восток.

Но его протест вызвал общее негодование. Корабли уже терпели бедствие, матросы от болезней почти не могли работать.

Поздней осенью вразброд, один за другим, приплыли они в Голландию. Купцы рассердились. Они не хотели больше давать денег на такие безрезультатные плавания.

Старшим штурманом

Только амстердамцы решили послать корабль еще раз—новым путем—в обход Новой Земли, как плавал в первый раз Баренц.

Снарядили два корабля.

Капитанами послали Рипа и Гамсперка.

Баренцу не доверяли больше.

А Баренц в действительности стал вождем всего похода. Он нанялся старшим штурманом к своему приятелю Гамсперку. На этот раз в матросы брали только холостых, чтобы они не скучали о семье, и самых здоровых. Всех предупреждали—поход опасен.

Отплыли 18 мая 1596 г.

Снова спор

Не Гамсперк, а Баренц был в сущности капитаном.

Капитан другого корабля—Рип—сразу не поладил с Баренцом. Рип держал курс на север.

Баренц настаивал на северо-восточном курсе.

Плыли на север.

Не Гренландия, а Грумант

«Морская вода зелена, как трава. Первые льдины издали похожи на лебедей.

«Открылся скалистый остров. В скалах множество белых птиц. Убили медведя. Назвали остров Медвежьим.

«Плывем мимо большой земли с высокими снежными горами. Не Гренландия ли это?»

Это была не Гренландия.

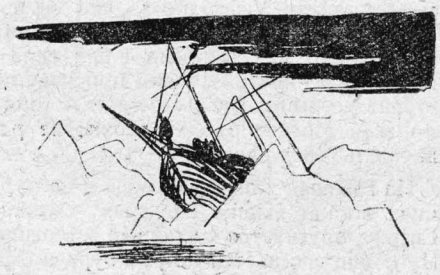
Голландцы открыли Шпицберген — группу островов, которую знали раньше только древние нормандцы да русские поморы. Поморы называли их Грумант:

«Грумант-батюшка грозен —
Кругом льдом окружен
И горами обвышон».

Нет возврата

Миновали Шпицберген. Баренц не хотел больше плыть на север. А Рип держал на север. И корабли разошлись. Каждый пошел своим курсом.

Баренц взял курс на восток.



У северных берегов Новой Земли льды зажали корабль Баренца и потащили его на восток мимо мыса.

Здесь льды повернули к югу вдоль восточного берега Новой Земли, но корабль протащило не долго. Его затерло в неизвестной гавани. Выхода не было. Льды, громоздясь друг на друга, приподняли судно кверху. Сломало руль. Резало днище. В корпусе зияли проломы. Повалило набок.

Спешно выгружали на лед провиант, снаряжение, оружие. Стали готовиться к зимовью.

Ни одно судно во всем мире не зимовало еще так далеко в полярной области.

Дом выстроили из сырых бревен, найденных на берегу. В нем было так холодно, что стены и потолок покрылись толстым слоем льда, и так дымно, что голландцы временами предпочитали умереть от стужи, чем задохнуться от дыма.

Полопались бочки с пивом, замерзло самое крепкое вино, белье во время стирки как только его вынимали из кипятка застывало в руках, как камень.

Когда зашло солнце и наступила полярная ночь, люди по нескольку дней не вставали с постелей. Раскалив на огне камни, они клали их себе под одеяло. Так грелись.

Во время метелей избу засыпало снегом до крыши. Тогда прорывали траншеи в снегу, чтобы выйти наружу.

Порцию сухарей и вина все уменьшали.

А Баренц не унывал и не давал унывать другим.

Он выгонял всех на прогулки, на охоту за песцами. Заставлял работать. Устроил баню в бочке. И в нестерпимый холод, когда казалось, что огонь перестал согревать, когда ноги примерзали к башмакам, когда замерзало дыхание, во мраке ночи при свете вонючего ночника из медвежьего жира он умел вдохнуть в товарищей бодрость, он высвистывал веселые мелодии на своей любимой флейте.

В конце января показалось солнце. Все ожили.

Февраль и март принесли ненастье и болезнь: у людей распухли ноги и десны. В апреле стало ломать лед. Прилетели птицы. Свежее мясо поправило больных, но Баренц не поправлялся. Впрочем он скрывал свою болезнь. Он был весел и деятелен, как всегда.

Льды унесло. Только корабль стоял плотно, сжатый береговым припаем. Решили плыть на шлюпках. Вот суда починили, спустили на воду. Сердца закипели радостью. Баренц написал историю своих странствий и бедствий.

Рукопись он запечатал в пороховой рог и повесил в дымовом отверстии очага.

(Окончание в следующем номере)

ВРЕМЕНА МИТРОФАНА I И АНЮТЫ XIV

Очерк Л. КАССИЛЬ
Рисунки В. Коновалова

— Напишите нам про что-нибудь интересное,—попросили меня харьковские школьники, у которых я недавно гостил.

— Ладно,—сказал я,—я напишу вам про Митрофана I и Анюту XIV.

— Кто это такой Митрофан I?—спросила одна девочка.

— Что это за Анюта XIV?—удивилась другая.

— Это наверно царь с царицей такие были,—предположил один мальчик.

— Вроде Ивана IV или там Александра III,—добавил другой.

— Нет,—сказал я,—у нас царей нет, а я ведь обещал вам написать что-нибудь о нашей жизни, о нашем времени.

С Митрофаном I я познакомился глубоко под землей. С Анютой XIV—высоко под облаками. 17 сентября я попал в подземелье, а на другой день уже очутился в поднебесьи. Так за одни сутки мне удалось побывать в самом низу и на самом верху мира, нашего строящегося нового мира.

Потому что Митрофан I—это шуточное название, которое дали рабочие первому советскому метрополитену.

Вы знаете конечно, что в Москве роют и строят подземную железную дорогу, подземный трамвай. Сезонники, рабочие, приехавшие из деревни, говорили вместо метрополитен—«митрофолен». А потому в шутку его стали просто называть Митрофаном.

17 сентября я отправился в гости к Митрофану.

Я решил спуститься в первый тоннель первого метрополитена.

В Москве в Охотном ряду стоит высокий забор. У его щелей всегда дежурят любопытные. Они хотят разглядеть сквозь щели будущее, они хотят подсмотреть метрополитен. Там, за забором, чувствуют они, находится главная дыра. Там, за забором, догадываются любопытные, роется первая нора, в которую через год юркнет часть уличного движения Москвы.

На улицах столицы тесно. Трамваи переполнены людьми. А площади переполнены трамваями. Под землей просторнее. И московские большевики решили строить метрополитен—подземную железную дорогу.

В несколько минут можно будет в вагоне метро проехать через всю Москву.

Спустился в нору, скажем у Крымского моста, а не успеешь оглянуться, как уже можно вылезать на белый свет в Сокольниках.

Мы живем сейчас торопливо. Мы не терпим опозданий. Нам много надо успеть, много узнать, много продумать. Быстрый метро сбережет нам время.

Это очень трудная задача—построить метрополитен. Уже одно то, что мы взялись за такое огромное дело, одно это показывает, как выросли наша сила и наша уверенность. До сих пор в нашей стране не было еще подземки. А сейчас по всей Москве бродят трехногие разведчики Митрофана I.

На главных улицах Москвы и на окраинах встают вышки на трех стойках. Сверху опускается длинный стержень. На конце его вьется острие бурава. Мотор вращает стержень, и бурав вбивается в землю. Глубоко в почву уходит испытательный зонд. Им вынимают кашицу глубоко лежащих слоев.

Ученые изучают добытые образцы. Земля ложится под микроскопы. Ее толкут и растирают в ступочках. Ее взбалтывают в пробирках. Потом ученые говорят: «Здесь метрополитен рыть, вести и строить можно».

И метрополитен строят.

Попасть в гости к подземному властителю, Митрофану I, пока еще очень трудно. На заборе вокруг главной дыры написано: «Посторонним вход воспрещен». Чтобы не мешали работать, понятно.

Но меня обещал представить Митрофану инженер Калужский, начальник 1-й ударной дистанции 2-го участка метрополитена. От него я узнал, что главная дыра зовется шахтой № 10.

— Вы что это, в таком виде воображаете познакомиться с метро?—спросил меня Калужский, тыкая поочередно пальцем в мой воротник, галстук, пиджак.

— Надо одеться как следует!—строго пояснил он.

Я давно слышал, что для приема у важных особ надо наряжаться с особой важностью. Но воротничек у меня был, честное слово, чист, брюки в порядке. Чего еще ему нужно было? Я смутился.

— Фрака и мундира не имею,—сказал я гордо,—и вообще я думаю, что Советской стране можно обходиться без церемоний...

— Какие тут к чорту церемонии,—прервал меня инженер,—це-ре-мо-ни-и... Спецодежду взять надо, а то изгадите себе весь костюм. Не в гостиную пришли, голубчик. Сейчас я вам выдам.

И я одел белые резиновые штаны, белый резиновый китель, черные сапоги из резины и кожаную фуражку. От резины проник к телу холодок; сапоги шли не в ногу со мной; чужая фуражка с'езжала на нос, а китель сзади задирался. И похож я был почему-то на беглого каторжника... Рабочие улыбались.

Молодой инженер Рыков повел меня к отверстию шахты № 10. Во дворе сипели насосы, в толстых шлангах и коленчатых трубах хлюпала таинственная жизнь недр. Над отверстием шахты высился копер—пирамидальная башня с фестонами, напоминающая индийскую гробницу. Мы вошли под навес. И вдруг инженер провалился сквозь землю. Из тьмы, из глубины послышался голос:

— Ну, лезьте за мной... Смелей. Тут всего лишь 23 метра глубины...

Я в последний раз взглянул на солнце и полез в главную дыру. Сначала шла деревянная лесенка. Через три пролета она кончилась. На отвесной мокрой стене торчали железные скобы. Они были заляпаны жидкой глиной.

— Осторожнее,—сказал снизу, из мрака инженер,—тут скользко. Не сорвитесь.

И в эту секунду я поскользнулся, и ноги мои беспомощно заболтались в пустоте. Я повис на руках. Спокойствие готово было покинуть меня вместе с сапогами, которые начали свободно сползать с лишенных опоры ног. Кругом извивались трубы, пульсировали шланги и кишки. Я барахтался среди них, как муха в паутине. Сверху на меня капало, словно кто-то уже оплакивал меня...

Но вот мои ноги нащупали нижнюю скобу, и я стал спускаться дальше. Скоро я был на дне первой штольни, в первом тоннеле московского метрополитена, Митрофана I.

Ярко горели электрические лампочки. Рабочие пневматическими молотами вгрызались в известняк. Вагонетки с землей вкатывались на подъемник. Сверху на нас непрерывно лило. Но насосы выцеживали воду и выводили ее на поверхность. Вентиляторы гнали воздух, и дышалось здесь легко, как на земле.

Проходка штольни двигалась вперед, вверх и в сторону—боковым штреком, коридором.

— К XV годовщине Октября,—сказал инженер,—мы тут уже все бетоном отделаем... Будет, одним словом, первый свод готов. А через год...

Через год первый поезд метро промчится под столицей. Там, где я сейчас карабкался, будет широкая удобная лестница. Там будут самодвижущиеся ступени. Они сами будут поднимать на поверхность гостей Митрофана I, пассажиров подземки. Здесь внизу будет находиться великолепный подземный вокзал. «Станция Охотный ряд»,—скажет подземный кондуктор.

Наверху, когда мы, с ног до головы в глине, поднялись в контору, инженер Калужский говорил, теребя шелк знамени, стоявшего в углу:

— Наш участок ударный. Знаменем почетным премирован. И, чорта с два, чтоб я кому-нибудь отдал это знамя! Будет через год метро!

Потом он накинулся на сидевшего у его стола, смирного на вид, человека.

— Чорт бы вас взял, Взрывпром ваш... Тормозите вы мне работу. Где ваши патроны с аммоналом!? Задерживаете вы мне взрывные работы. Понимаете вы,—говорил он мне,—привезут патроны не во-время, а где мне их хранить? Опасно ведь. На мне ответственность. Приходится мне их себе под подушку класть. Так спокойнее... Так и сплю на взрывчатых веществах. Честное слово!

— Вроде Степана Халтурина,—сказал тихий человек из гремучего учреждения, Взрывпрома.—Халтурин, когда царя хотел в Зимнем дворце взорвать, тоже на динамите спал.

— А я дал милиции расписку, что никого не взорву,—сердито сказал Калужский,—мне вашим аммоналом надо землю рыть, Метро строить. Темпы!

Когда я уходил с надземного двора Митрофана I, Калужский сказал:

— Когда первый поезд пойдет, я вам позвоню. Ваш номер? Будете первым подземным пассажиром.

* * *

А на другое утро я спешил в небо. На утро я познакомился с Анютой XIV. «Анютами» ласково прозвали летчики самолеты АНТ. АНТ—это значит Андрей Николаевич Туполев. Тов. Туполев—лучший конструктор советских аэропланов. Много АНТов летает над советской землей. По чертежам Туполева, под его руководством построены все наши лучшие самолеты. И самый замечательный из них,—четырнадцатая конструкция, самолет «АНТ—14».

Утром 18 сентября я приехал на московский аэровокзал.

Я собрался лететь.

На зеленой влажной траве стоял исполинский самолет. Весь он отливал матовым серебром. Размах его серебристых крыльев нельзя было охватить одним взглядом. Надо было поворачивать голову, чтобы увидеть концы. Больше сорока метров, двадцать саженей уложились между сверкающими обрезами крыльев.

Пять моторов, в 480 лош. сил каждый, были уже проверены, отрегулированы и запущены на малом газу. Они лениво выхлопывали дымки, и на высоте двухэтажного дома огромные стальные пропеллеры сверкали, как мечи искусных фехтовальщиков. Они рубили воздух, они сражались с солнцем, парируя его лучи и посылая блеск, точный, как удары.

Люди ходили по крыльям, карабкались на хвост, входили в туловище. Люди казались совсем маленькими в сравнении с махиной—самолетом.

— Приготовьте билеты,—сказали нам, и дверь каюты самолета открылась.

Тридцать четыре пассажира вошли в аэроплан. Тридцать четыре удобных кресла приняли нас на свои подушки.

Мне досталось кресло у окна слева.

Семь человек команды заняли свои места.

Впереди, в специальной каюте управления, сел на высоком кресле командир воздушного корабля т. Михеев. Это—известный летчик, один из опытнейших воздушных водителей нашей авиации. Он облетел весь СССР и почти всю Европу.

Рядом с ним, у запасного управления, сел его помощник.

На втором этаже самолета, над нами, в особой каютке, у приборов разместились два бортмеханика и два моториста. Третья мотористка, Клавдия Шахт, стала у столика в широком проходе пассажирской кабины.

Прозвонил сигнальный звонок из командирской рубки. Михеев взялся за штурвал. Клавдия убрала лесенку, нашу последнюю связь с землей. Хлопнула дверца. Стартер опустил красный флаг и махнул белым. Пять моторов рванулись вперед, как бешеная пятерка нападения футбольной команды.

Трава полегла вокруг машины. Провожающие замахали руками и платками.

Их откинуло далеко назад. Ветром моторов?

Нет! Это мы уже помчались вперед беря разгон, чтобы в борьбе и сопротивлении воздуха найти опору для взлета. И вот мы летим.

Мы оторвались незаметно. Огромная машина мягко возносит нас над Москвой. Гигантские колеса бесцельно вертятся за окном. Они замедляют вращение, замедляют... Вот они просто висят над Кремлем. Мы идем на юг. Мы идем в Харьков, это—первый далекий вылет нашего исполинского птенца из родного гнезда.

Мы оглядываем чудесную и роскошную изнутри машину. Шелковые занавески. Электрические лампочки. Столики, покрытые цветными скатертями. Зеркала. Кладовые. Багажные шкафы Сзади—две уборных с умывальниками.

Я уже много раз летал на аэроплане, но никогда еще не испытывал такого покойного и ровного лёта. Ни качки, ни бросков.

Я вынимаю бумагу, пишу письмо и иду отдать его в почтовое отделение, которое имеется в конце нашей кабины. Там сидят два воздушных почтаря. Я плачу деньги. Мне дают марки Я наклеиваю. Мне ставят штемпель. Мне дают расписку.

Я иду обратно. По дороге присаживаюсь к столику, рассматриваю книги.

„Анютами" ласково прозвали летчики самолеты АНТ

Мы разговариваем с соседями, потому что у «Анюты» очень мягкий рев моторов. Он не заглушает нас. В это время выходят газеты. Почтарь проходит между кресел и раздает нам «Правду» и «Известия».

Наш кинооператор бегает с аппаратом по проходу, крутит ручку и снимает нас, газеты, вид из окна на далекую землю, нашу жизнь под облаками и нашу мотористку веселую, белокурую Клавдию.

Клавдия налету рассказывает нам свою биографию. Биография начинается в детдоме. Кончается пока комсомолом, любовью к моторам и воздуху больших высот.

Но тут «забарахлил» средний мотор... В очередность его взрывов стали вкрадываться заминки. Клавдия стала очень серьезной. Очень.

Механики спустились в кабинку командира на летучее совещание. Решено спуститься в Туле и проверить мотор.

Четыре других мотора тянут безотказно. Средний мотор хотя и срывист, но тоже работает.

Однако Михеев идет на посадку. Михеев—настоящий советский летчик. Он знает, что машина сделана на наши трудовые деньги. Он знает, что 40 человеческих жизней доверены ему. И он не хочет рисковать. Михеев презирает всякие небесные фокусы, воздушное ухарство.

Он относится к своей машине бережно и строго, как хороший машинист к паровозу.

Краснознаменец Михеев никогда не хвастается, как некоторые летчики, своими лихими заоблачными похождениями, рискованными полетами, безрассудными трюками.

Зато он с гордостью вспоминает, что за всю свою лётную жизнь у него не было ни одной поломки, ни одной сорванной покрышки с колеса, ни одной аварии, ни одного покалеченного костыля. Он—романтик, Михеев, он романтик в новом, советском понимании. Михеев—романтик качества, романтик знания, точности, высокого качества работы.

Не только на Советской земле, но и под ней, но и над ней взрастила революция новых людей.

И Михеев идет на посадку. Он так мастерски сажает нас на тульский аэродром, что мы некоторое время не знаем, где мы—на земле или в небе.

А когда неисправность выяснена и мотор починен нашими механиками, он снова садится за штурвал и снова ведет нас в небо, плечистый и уверенный.

Он ведет лучшую воздушную машину советской авиации, самый большой из сухопутных пассажирских аэропланов мира. Только Германия имеет еще такой огромный самолет, как наша «Анюта», наш «АНТ—14». 18 тонн—больше тысячи пудов—весит «Анюта». 220 километров в час делает она. Вот какие машины научилась создавать наша страна, которой всего лишь 15 лет!

Славная династия АНТов правит советскими небесами. Первый метрополитен проходит уже под землей советской столицы. За одни сутки я побывал на концах гигантского диаметра нашей стройки. И я выполнил обещание. Я написал о Митрофане I и об Анюте XIV.

ЕГОР САНЕВ

Рассказ В. АВСЮКЕВИЧА
Рисунки Чудновского

I. Остался один

Обозы длинной лентой тянулись по Крещатику и Подолу. Голова их уже прошла Дарницкий мост и подымала пыль у Броваров, а хвост еще змеился по улицам Киева.

Иван Санев уходил с красными войсками из города, сдерживая натиск петлюровцев от Белой Церкви. Уходил, оставляя в городе своего сына, четырнадцатилетнего крепыша Егора.

Ох, и голоден же был Егор к вечеру этого памятного дня! Спать лег он голодный в своем углу на Бессарабке. Проснулся, есть хочется, сил нет! Оделся Егор, вышел на улицу, смотрит—вывеска к ларьку прицеплена: «Сычугов с С-ми» мелом выведено. Не понял сначала даже, к чему это, а когда увидал за прилавком самого Сычугова, развешивающего кулечки, сообразил, что бывший лавочник снова принялся за свое дело обвешиванья и обмеривания. А сыновья его Ванька и Ленька—товарищи Егора по играм—тут же стоят, отцу помогают.

Подошел Егор к ларьку, жадно смотрит—есть хочется, а Ванька важно так:

— Проходи, проходи, прохожий! Не трись тут около гамазина: еще стыришь что-нибудь.

— Ах, свинья!

Схватил Егор доску, валявшуюся на земле, как размахнется, как ахнет по «магазину». Товаров немного было, так что и упало немного на землю. Однако и Ванька и Ленька за свое добро вступились и разом накинулись на Егора. Да не так просто совладеть с крепким малым. Бросил Егор доску под ноги сильному Ваньке, а Леньку, который послабее, на кулак принял. С воем покатились по мостовой оба, а голодному Егору и не до них. Протянул руку за куском розовой колбасы, салом нашпигованной, и не заметил Егор, как был схвачен цепкими лапами старого Сычугова.

Рванулся Егор, да разве вырвешься от рыжего, как в клещи, зажавшего егоркины руки и ноги.

— А ну, ребятки, разделайте парнишку,—а сам держит.

Ванька бежит уж с доской, красный от злости, а Ленька с другой стороны поспевает. И вот старый держит, а сыновья бьют и доской и кулаками по чему попало. Голодный Егор сначала вырывался, а потом опустил голову и обмяк как-то весь. Народ собрался, больше женщины.

Смотрят. Говорят.

— Кто?

— За што?

— Красного поймали...

— Бомбу хотел бросить!

А один, по виду рабочий, подошел к Сычугову, оторвал его от Егора.

— Ах, скоты, скоты, как измордовали мальченку, места живого не оставили. Много нечисти повымели красные, да, видно, много ее еще и осталось!

Поставил он Егора на ноги, а тот стоять не может. Поднял рабочий его на руки и понес.

Очнулся Егор в незнакомом ему месте. Лежит он на койке, повернуться не может: все болит. Никого нет в комнате. Около койки табурет стоит, на табурете большой кусок хлеба и крынка с молоком.

Привстал Егор, ухватил краюху и вонзил в нее голодные зубы. С'ел немного, молоком запил, еще и еще...

А один, по виду рабочий, подошел к Сычугову, оторвал его от Егора

Совсем мало времени прошло, а в крынке ни капли молока не осталось, хлеб до крошки исчез в егоровом желудке. Отвалился Егор, чувствует, как силы в нем растут и прибавляются.

И вдруг, точно молния сверкнула,— прорезала Егора мысль об отце. Почему отец там, со своими, а он, Егор, здесь, у врагов? Егор хочет тоже быть с красными, он хочет быть вместе с отцом, он хочет помогать ему вернуться снова в Киев. Если это случится, Егор обязательно атакует ларек и всем своим товарищам раздаст розовую колбасу... и хлеб... и консервы... всю лавку раздаст, а сейчас ему крепко спать хочется. И решил Егор, как можно скорее фронт перейти и к своим попасть, а до тех пор хоть немного отдохнуть, поспать.

Вспомнил Егор, что он неподалеку в лесу облюбовал себе землянку старую, заброшенную. Дверей нет в ней, нет и окон. Но сухо там на песке. В егоровой землянке—целое хозяйство. На стенке справа висят сделанные из ивовых прутьев клетки для пойманных птиц, тут и дятлы и дрозды. Слева — полочка, сделанная в стене. На ней — продовольствие всякое, хозяйская разная мелочь и спички. Любил Егор свое хозяйство. Держал его в порядке и при удобном случае притаскивал к себе в землянку запасы. Долго с закрытыми глазами лежал Егор, вспоминая о своей затее, с грустью вспоминал отца. Твердым непоколебимым решением пробраться к отцу он успокоился и стал засыпать.

— Вставай, лайдак, вставай! — Какой-то человек в жупане, подпоясанный синим кушаком, в барашковой серой шапке тычет Егору в бок шашкой.

— Вставай, кажу тоби! Треба сина привезти. Ты хозяин? Ось тоби приказ. Ходим. До Дарницы пойдем. Да швидче собирайсь, а то...

И он взмахнул плеткой.

Егор ничего не понимал. Что за человек? Откуда он? Вдруг вспомнил отход красных обозов, Сычугова, спасшего его рабочего и понял, что в Киеве—петлюровцы, что его мобилизуют на работу. Он вспомнил свой сон.

«Вот оно как оборачивается», подумал он. Егор сел. Тело теперь не болело. Он снова почувствовал себя бодрым и крепким. Решение уйти к красным созрело уже в его голове, а этот человек еще помогает этому, он повезет Егора в Дарницу.

— Сейчас, дяденька, сейчас!—торопливо говорил Егор, надевая сапоги и подпоясываясь. Через минуту он был уже готов и тщательно спрятал у себя на груди лежавший на столе большой кусок хлеба.

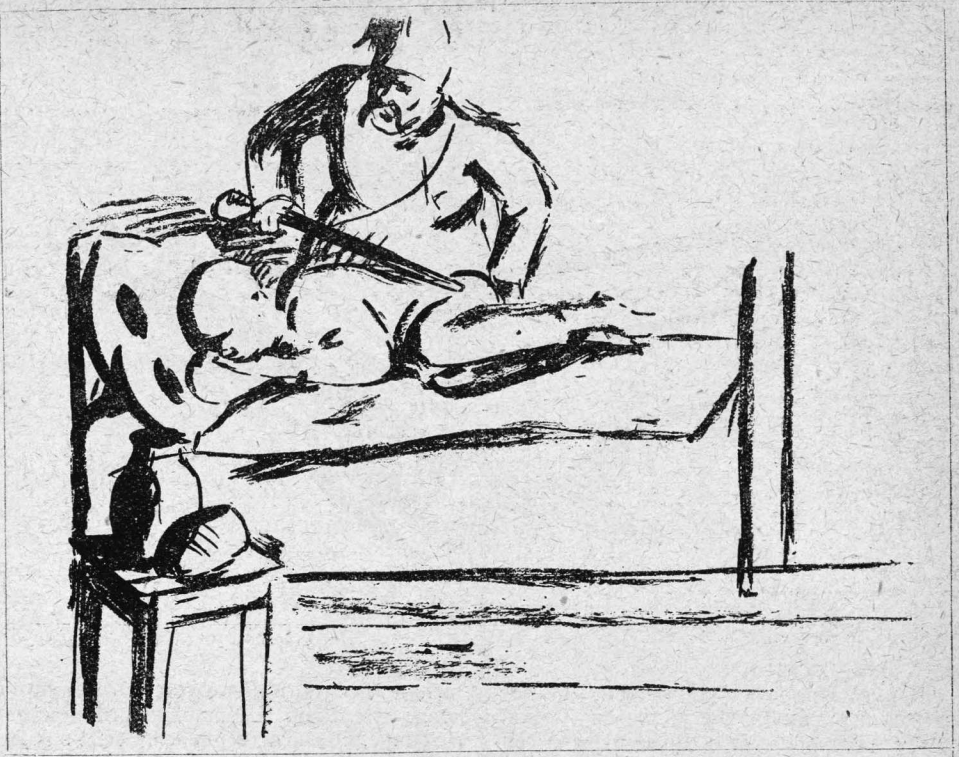
— Я готов, дяденька!

— Я тоби не дяденька и не тетенька. А вартовый! [1])

— Понимаю, дяденька фартовый.

«Верно, что «фартовый», подумал Егор, выходя на улицу с рыжим петлюровцем. Их ожидал грузовик с тремя, как и Егор, подростками. Вартовый сел с шофером, а четверо ребят разместились на площадке кузова.

[1] Вартовый—солдат.



Вставай, кажу тоби! Треба сина привезти

Землянка в лесу

Грузовик миновал железный мост и подъезжал к Дарнице, а ребята уже познакомились друг с другом. Они сидели, защищенные от посторонних глаз бортами платформы, а шум мотора позволял им не бояться быть услышанными вартовым. Егор узнал, что один из них остался так же, как и он, внезапно сиротой: отец его успел уйти с красными, а мать петлюровцы увели куда-то—куда, никто не знает. У другого два брата были у красных, а старика-деда сегодня, как и его, послали на работы. У третьего отец сегодня был схвачен и брошен в тюрьму, а он сам уже три часа как вышел из дома и не знает, что там сейчас происходит.

— А что, ребята, если мы вчетвером попробуем догнать красных?—сказал Егор.

— Там батько мой, не выдадут нас: красные—они ведь за рабочих идут, а мы—тоже рабочие дети. Даром хлеб есть у них не будем. Пригодимся на что-нибудь: в разведку ходить будем, винтовки красноармейцам чистить, патроны подносить... мало ли дела? Ладно что ли?

— Ладно-то ладно! Только...

— А что только?

— А то, что как поймают нас, сначала в плети возьмут, а потом и пристрелят, либо вон на том дереве повесят. Думаешь, им долго?

— А ты умей так уйти, чтобы не поймали.

— Я знаю место такое, что ни один не сыщет. Там и переждать можно, пока искать станут, а потом уже легко уйти будет. Так согласны, что ли?

— Не, Егор, не выйдет это дело. Вот попытайся ты первый, а потом и мы за тобой, если тебе уйти удастся.

— Ладно! Я и один уйду. А вы попробуйте остаться тут у Дарницы да этой ночью выходите к полустанку. А фартовому этому скажите, что вы останетесь еще здесь, сено к завтраму заготовлять.

— А как же ты уйдешь?

— Не знаю еще. Посмотрим, как дело обернется.

В это время грузовик остановился у копен сена, и вартовый, сойдя с грузовика, приказал ребятам начинать погрузку.

Трое ребят выпрыгнули, захватив с собой вилы, лежавшие на грузовике, а Егор остался для приемки сена.

Работа началась. Сено из копен быстро перемещалось на вилах ребят в грузовик, где Егор раструшивал его равномерно по всей платорме. Вот выросла сенная гора далеко выше бортов платформы. Ребята притомились и не могли так быстро, как раньше, подавать сено наверх.

Вартовый сделал остановку и начал закуривать.

— Дядя!—обратился Егор к вартовому,—дядя, позвольте по нужде до лесу пройти.

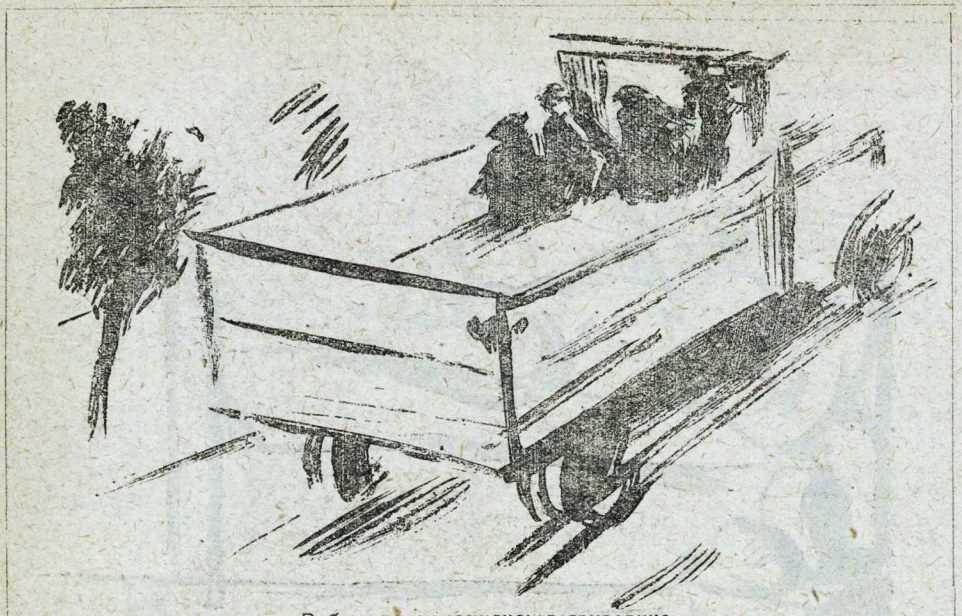
Вартовый посмотрел, скосившись, на Егора и ответил:

— Иди, да не задерживайся. Сейчас работу кончать надо. Время тоже выбрал. Иди скорее.

Егор соскочил с грузовика и, не оглядываясь, побежал к лесу.

Вот и знакомая опушка. Еще совсем немного пробежать и тут землянка будет. Не видна она вовсе, и кто не знает, никогда не отыщет. Только бы добежать!

Егор уже слышал шум леса, он видел, как высокие сосны медленно раскачивали свои кроны, наклоняясь друг к другу, как бы передавая одна другой шелестящим шопотом последние новости.



Ребята познакомились в грузовике

Вдруг, прорезая таинственный лесной шопот, в воздухе раздался резкий свист. Егор обернулся. Далеко сзади свистел вартовый, засунув пальцы в рот. Егор побежал быстрее. Около уха что-то оглушительно просвистало. Егор присел и, скрываясь за мелким кустарником, побежал к близким уже соснам. Сзади еще прогремел выстрел. Егор вбежал в лес. Теперь он был уже более спокоен. Вон за той порослью должна быть и землянка, заросшая папоротником. Егор большими прыжками добрался до землянки. Ее совсем не было видно с тропы. Папоротники так разрослись, что совершенно закрывали собою песчано-желтый вход. Егор с разбега прыгнул вниз. Папоротники, зашумев, раздвинулись и, когда Егор очутился на дне своего убежища, снова, сомкнувшись, выпрямились.

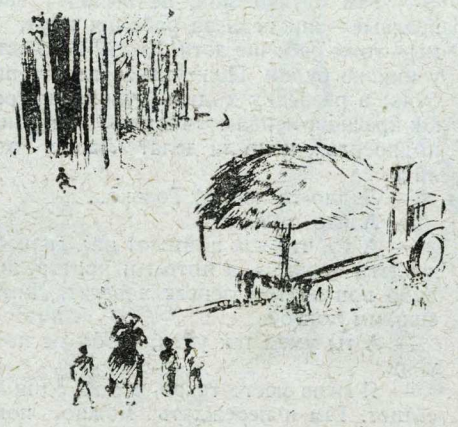
Зеленый сырой полумрак окутал Егора. Он тяжело вздохнул, не зная, что ему теперь делать. Впереди что-то зашуршало. Прямо перед собою Егор увидал два зеленых фосфорических огонька. Что это? Он сделал шаг вперед, а огоньки, сверкнув еще раз, исчезли, и Егор услышал удаляющиеся хруст и шелест. Страшно стало от неизвестности. Что за обитатели появились у него в землянке? Не лучше ли по-добру, поздорову убраться отсюда? Нет. Конечно только не назад, только не к вартовому. Егор сделал несколько решительных шагов и остановился перед едва видным в полумраке круглым отверстием у самого пола. Этого отверстия раньше здесь не было. Он решился и, нагнувшись, стал ползком протискиваться вперед. Ползти оказалось нетрудно. Правда, отверстие не было достаточно широким, чтобы он мог чувствовать себя в нем свободно: осыпалась земля, иногда он с трудом мог пробираться, упираясь в землю носками и локтями, но все-таки он пробирался вперед, и вскоре окружавшая его темнота побледнела и он увидел круглое светлое отверстие. Это был выход.

«Лисья нора!»—догадался Егор.—Умная лисица догадалась себе запасный выход сделать. Мне он тоже может пригодиться». Егор совершенно успокоился и так же, ползком, вернулся к себе в землянку проделанным лисой ходом.

В землянке все было по-старому. Все было на месте. Только разломанные клетки валялись на песчаном полу да не трещали клювами забавные клесты. Егор нашел несколько перьев, но птиц не было.

«Слопала, окаянная! —подумал он.—Напрасно я не выпустил их раньше. И хлеб сожрала,—осмотрел Егор полочку.—Ну, ладно, новый есть. Тот был бы все равно, как камень,—он вытащил из-за пазухи новую краюху, взятую им у рабочего, и положил ее на место прежней.

«А спички не жрет лиса, вот они и остались», — свидетельствовал дальше Егор, осматривая свое имущество. Он взял один из коробков, вытянул из него спичку и чиркнул. Оранжевый огонек вспыхнул и осветил убежище. Больше никаких перемен Егор не обнаружил, если не считать нескольких веток да листьев папоротника, очевидно притащенных лисой в это жилище.



Егор соскочил с грузовика и, не оглядываясь, побежал в лес

Вдруг до его слуха донеслись голоса Егор быстро, как только мог, схватил краюху хлеба и спички и бросился к лисьей норе. Он залез в нее и закрыл вход ветками и листьями папоротника. Сквозь листву ему было хорошо видно все, что делалось в землянке. Голоса приближались. Среди других он узнал голос вартового.

— От, гад! Как сквозь землю провалился. Не мог же он никуда уйти, его бы накрыли наши хлопцы фуражисты.

— Да плюнь, Опанас! Вернется твой малый, схватило его со страху, он уже вернулся наверно, а ты ищешь тут хлопца в ягодах. Разве хлопцев в ягодах ищут!

— Ищите, ищите, жупанники,—подумал Егор,—чорта лысого найдете, а я, как мертвый, буду.

Внезапно в землянке стало совсем темно, и Егор услыхал около себя бряцание железа.

— От якись чорт накопал тут ям! Живому человеку ходить невозможно. Сашко! Геть видемся—будь оно проклято!—громко орал оступившийся и влетевший в землянку Опанас.

— Я же сам бачив, як его стрельнув. Воно так и покатилось... Тильки... дежвоно?.. — ворчал Опанас, выбираясь из землянки.

«А, дурак усатый!—торжествовал в норе Егор.—Стрельнул! Стрельнул в белый свет, как в копейку, а оно-вот и стоит здесь, а завтра батьку увидит, а послезавтра вам дает меру—успевайте только пятки намазывать. А у Сычугова обязательно колбасу отобрать нужно... а Ваньке с Ленькой надо морду побить, чтобы вежливее были, а то досками драться всякий может... аршинники!»

Так мечтал Егор, лежа в своем убежище... Шум шагов и голоса постепенно стихли. Егор подождал еще немного времени, вылез из землянки, подошел к входу и стал прислушиваться. Вдалеке загудел мотор. Раздался гудок грузовика, а затем Егор услышал, как тронулась машина и, постепенно ослабляя звук, стала удаляться. Егор остался один в дарницком лесу. Он взглянул на небо. Солнце уже светило не так ярко, как два часа тому назад. Видимо, день кончался, и дело шло к вечеру.

Егор вернулся в землянку, залез в лисий ход, закрылся ветвями и решил до ночи не выходить оттуда... Теперь бы по-настоящему отдохнуть и выспаться, а ночью надо будет пробираться к полустанку: может быть ребята не надуют и придут, тогда веселее будет вместе искать дорогу на фронт... к своим... к отцу...

Егор отломил кусок свежего хлеба и, лежа на песке, с наслаждением начал жевать этот кусок, который должен был придать ему нужные силы и восстановить затраченную энергию. Через полчаса в землянке было совершенно тихо, и только из лисьей норы слышалось мерное и тихое посапывание: там крепко спал Егор Санев.

(Окончание в следующем номере)

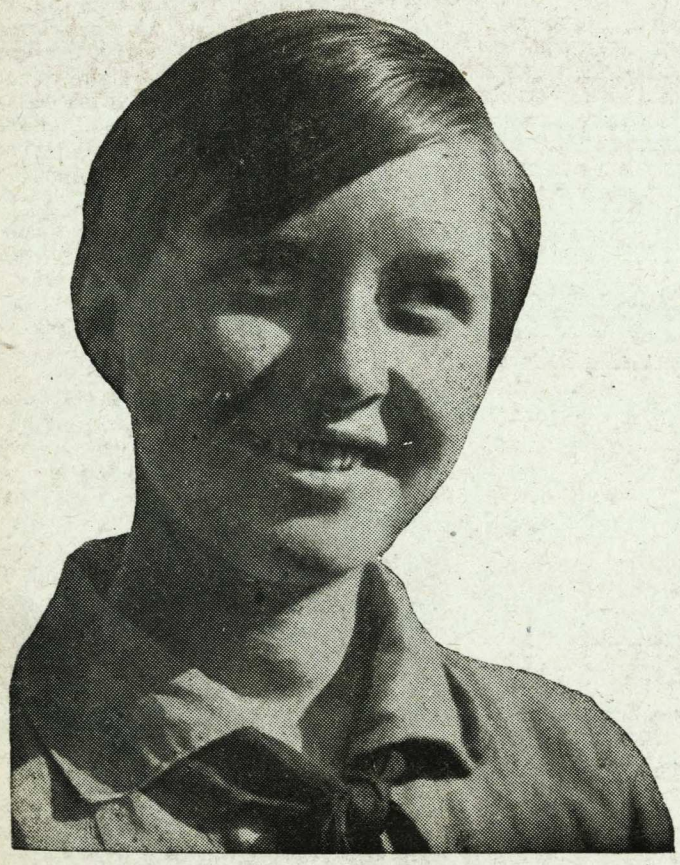
ЕВГЕНИЙ ПАВЛИЧЕНКО

ОКТЯБРЬСКАЯ ПЕСНЯ

Выше голову, ребята,
Тверже шаг:
Враг таится
По границам,
не дыша.
Только знаем,
Речи мира
не новы:
Пахнет порохом
И делом
боевым!
По лесам
И в поле чистом
Ровен ряд—
Пионерские горнисты
затрубят.
Утром выйдем
Раным-рано
И в поход!
Барабан за барабаном
нас ведет.

За учебную винтовку,
За мишень,
Боевая подготовка,
Что ни день.
Мы—Страны советской дети;
Час придет—
Мы готовы бодро встретить
Тот поход.
За учебой, за работой
мы растем:
Нам ровесник
Этот новый
светлый дом.
И при нас уже построен
Тот завод,
Что к ударничеству
скоро позовет!
Эй, на Западе, ребята,
не робей!
И одна труба
Другой поет трубе,

Ровесник Октября Шиганов — лучший ударник по учебе татарской Макеевской школы (Донбасс)
Фото союзфото



Ровесница Октября Шура Титова — секретарь комсомольской ячейки 25-й школы Октябрьского района; 3 раза премирована за отличную учебу и хорошую работу в базе
Фото Кудряшова

И уже со всех концов
На все лады
Запевают звонко
трубы молодых!
Пионерские колонны,
К площадям.
Мы клянемся!
Мы клянемся!
Час придет,
Мы пойдем,
Для дела жизни не щадя,
Вместе с братьями
В решительный поход!
Нет, отцы не даром
бились в Октябре,
Это будущее
кровью нам добыв.
Это их встают знамена
на заре,
Под команду
барабана и трубы.
Мы ряды свои проверим:
Отвечай
Честным словом пионерам,
как и чем
Ты оправдываешь имя
Ильича,
Это знамя,

Что несешь ты на плече!
Наша жизнь
В такие годы
хороша!
За учебой,
За работой
Нам расти!
Выше голову, ребята,
Тверже шаг!
Нам немало будет дела
На пути!
Только трудности, ребята,
не страшат!
Поколеньям Октября
Пятнадцать лет.
Выше голову, ребята,
Тверже шаг,
— Отступающих не будет —
наш ответ!
Пионерские колонны,
К площадям!
Мы клянемся!
Мы клянемся!
Час придет,
Мы пойдем,
Для дела жизни не щадя,
Вместе с братьями
В решительный поход!

Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда", сектор „Комсомольская правда" Оформление В. Коновалова. Отв. ред. Ел. КУЙБЫШЕВА.
Сдан в набор 7/X, подписан к печати 25/X Изд. № 1008 135.000 п. з. 1 бум. л.

АМЬ!
401 75
ИЕРТЬ
ГАМ СОВ
РОС. СОЦ